

ПОЛЕНОВА Г. Т.

ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА НЕКОТОРЫХ ФОРМАНТОВ КЕТСКОГО ГЛАГОЛА

Исследования последних десятилетий значительно расширили представления кетологов о структуре кетского глагола, но эта область еще таит в себе много неизвестного, неожиданного, и растущий интерес исследователей к такой своеобразной глагольной системе, какой является глагольная система кетского языка, вполне понятен. В предлагаемой статье нам хотелось рассмотреть некоторые загадочные строевые элементы кетских глагольных словоформ, названные Е. А. Крейновичем детерминативами (*k, t, q, d, n, b, h, s*) [1]. В частности, мы сосредоточим внимание на детерминативах *b* и *q*. Руководствуясь тезисом, что нет ничего в грамматике, чего не было бы прежде в лексике и семантике [2], попытаемся восстановить исходное значение этих до сих пор непонятных формантов.

Отметив загадочность детерминативов, Е. А. Крейнович тем не менее предположил местоименное происхождение некоторых из них [1]. Ранее он точнее указывал эти элементы: *b, k, d, q, n* [3]. Дальнейший анализ структуры кетских местоимений и местоименных грамматических показателей подтвердил, что перечисленные согласные морфемы, а также *l, s*, сочетаясь с гласными морфемами *a/o, u, i, e*, формируют основные разряды местоимений: личные, указательные и вопросительные [4]. Они же представлены в субъектно-объектных показателях глагола групп Б и Д, в предикативных аффиксах личных местоимений (*b, k, d*), в формантах времени в глагольных словоформах (*n, l, s*). В свое время было выдвинуто предположение, что упомянутые согласные элементы имели классный характер, а гласные *a/o, u, i, e* являлись дейксисами широкого плана [4; 5, с. 37]. Если исходить далее из континентивно-типологической схематики, то для объяснения происхождения детерминативов можно использовать «возможность поисков отражения пройденного типологического состояния» [6, с. 160—161], что, собственно, уже и делалось при выявлении признаков активного строя в кетском языке ([7]; см. также [8, с. 168]).

По мнению А. П. Дульзона, строй енисейских языков должен восходить к архаичной структуре классифицирующего языка, в котором вместо личных глагольных показателей функционировали классные аффиксы [9]. И хотя, как отметил Г. А. Климов, дифференциальные признаки структур классного строя в настоящее время проявляются значительно менее отчетливо, чем признаки активного и эргативного строя [6, с. 216—217], тем не менее материал кетского языка обнаруживает следы классифицирующих формантов. Свидетелями классного строя в прошлом, как нам кажется, как раз и являются вездесущие «детерминативы» и приведенные гласные (см. [5]), т. е. мы полагаем, что в исходном состоянии консонанты *b, k, d, q, n, l, s, t* служили классными показате-

лями, например, при обозначении предметов утвари, деревьев, зверей, людей, духов, рыбы, воды и т. д. В этом значении они, сочетаясь с дейксисами *a/o*, *u*, *i/e*, образовывали дейктические частицы широкого плана типа *bi-bu-ba/bo*, *di-du-da*, *ki-ku-ka*, *si-su-sa*, *ni-nu-na*, *ti-tu-ta* и т. п., а в дальнейшем послужили базой для формирования различных грамматических показателей [4]. Реликтом классного строя представляется супплетивный кетский глагол «говорить»: *nima* «говорю», *kima* «говоришь», *bada* «он говорит», *tana* «она говорит». Интересно, что этот глагол не имеет категории времени. Кеты употребляют в качестве форм настоящего и прошедшего времени одни и те же словоформы.

С развитием черт активного строя классифицирующая функция названных выше формантов сменилась функцией индикаторов активности или неактивности денотата, и с возрастанием степени абстракции, с расширением сферы грамматики (морфологии) шло перераспределение и переосмысление в языке бывших классных показателей: одни из них (*b*, *d*, *k*) в сочетании с дейксисами сохранили свою связь с денотатом, указывая на лицо, активность/инактивность, другие явились мощным деривационным фактором. В этот период в системе глагола зарождается такой атрибут активного строя, как категория версии, отмеченная Г. К. Вернером [10]. Согласно его выводам, показатели рядов *ba* обозначали действие, замкнутое на активном актанта или происходящее на месте его пребывания, а показатели рядов *bo* несли информацию о действии, направленном за пределы активного актанта или от места его пребывания [10, с. 60]. Вырисовывается тесная связь со значением детерминативов.

Для ясности приводим таблицы субъектно-объектных личных показателей кетского глагола (см. с. 76). С этим согласуется наблюдение В. Г. Шабая, который, исследуя кетские глаголы с основой в конце слова (по общему признанию кетологов, наиболее древние) на синхронном уровне, отмечает связь употребления/неупотребления детерминативов с динамичностью/статичностью глагольных актанта [8]¹. По Г. А. Климову, версия является исключительной особенностью активного глагола [11, с. 132], а в кетском языке это глаголы с личными показателями группы Б [7, с. 38], и именно эти глаголы позволяют, как нам представляется, подойти к разгадке детерминативов².

Вернемся к дейктическим частицам. Исторически устанавливается, что гласный *a* связан с лицом говорящего (*Ich-Deixis*), *u* со 2-м лицом (*Du-Deixis*), по К. Бругману [12] (ср. основной падеж кетских личных местоимений: *ad* «я», *uk* «ты»); в то же время локальным дейксисом 1-го лица является гласный *i*, ср. первичные дейктические частицы *di-du-da*, выполняющие в современном кетском языке функции именных предикативных аффиксов: *oddi* «я здоров», *oggi* «ты здоров», *oŋdi* «он здоров», *oŋda* «она здорова» и т. д. (см. табл. 2). Эти же форманты появляются в роли субъектно-объектных глагольных показателей группы Д (см. табл. 2), например:

<i>di-γ-aq</i>	«я выйду»	<i>di-γ-aŋ-an</i>	«мы выйдем»
<i>ku-γ-aq</i>	«ты выйдешь»	<i>ku-γ-aŋ-an</i>	«вы выйдете»
<i>du-γ-aq</i>	«он выйдет»	<i>du-γ-aŋ-an</i>	«они выйдут»
<i>da-γ-aq</i>	«она выйдет»		

¹ По В. Г. Шабая, показатели рядов *ba/a* или *ba/bu* (1-е и 3-е лицо) маркируют статический актанта, а показатели рядов *bo/o* или *bo/bu* — динамический [8, с. 59].

² Ср. у Е. А. Крейновича: «Оказывается, в глаголах, не имеющих детерминативов, категория лица выражается только при помощи личных показателей группы Д, а в глаголах, образованных с участием детерминативов, категория лица может быть выражена при помощи личных показателей обеих групп» [13, с. 53].

Показатели Б

Число	Лицо	1 ряд	2 ряд	3 ряд	4 ряд
Ед.	1-е	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>bo</i>	<i>bo</i>
	2-е	<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>ku</i>
	3-е: муж. кл.	<i>a</i>	<i>bi</i>	<i>bi</i>	<i>o</i>
	жен. кл. вещ. кл.	<i>i</i> <i>i/θ</i>	<i>bi</i> <i>θ</i>	<i>bi</i> <i>θ</i>	<i>u</i> <i>u</i>
Мн.	1-е	<i>daŋ/dΛŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>daŋ/dΛŋ</i>	<i>daŋ/dΛŋ</i>
	2-е	<i>kaŋ/kΛŋ</i>	<i>kaŋ</i>	<i>kaŋ/kΛŋ</i>	<i>kaŋ/kΛŋ</i>
	3-е: вещ. кл.	<i>i/θ</i>	<i>θ</i>	<i>θ</i>	<i>u</i>
	невещ. кл.	<i>aŋ</i>	<i>bi</i>	<i>bi</i>	<i>oŋ</i>

Таблица 2

Показатели Д

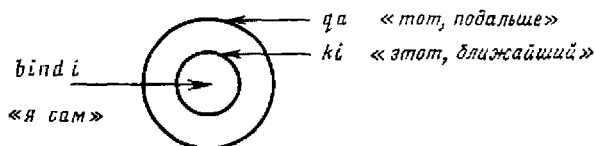
Число	Лицо	Префиксы		Инфиксы		Предикативные суффиксы
		1 ряд	2 ряд	1 ряд	2 ряд	
Ед.	1-е	<i>d i d t</i>	<i>di</i>	<i>di/d t</i>	<i>di d t</i>	<i>di?</i>
	2-е	<i>k g g i</i>	<i>ku</i>	<i>ku, gu/k</i>	<i>ku/gu/k</i>	<i>ku?</i>
	3-е: муж. кл.	<i>di d t</i>	<i>du</i>	<i>a, o</i>	<i>θ</i>	<i>du?</i>
	жен. кл. вещ. кл.	<i>da</i> <i>b, θ da</i>	<i>d</i> <i>bi/θ</i>	<i>i</i> <i>b, m</i>	<i>θ</i> <i>b/π</i>	<i>da?</i> <i>am</i>
Мн.	1-е	<i>d i d t</i>	<i>di</i>	<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>dΛŋ</i>
	2-е	<i>k g g i</i>	<i>ku</i>	<i>kaŋ/gaŋ</i>	<i>kaŋ/gaŋ</i>	<i>kΛŋ</i>
	3-е: вещ. кл.	<i>b/θ da</i>	<i>bi, θ</i>	<i>b/π</i>	<i>b/π</i>	<i>am</i>
	невещ. кл.	<i>di/d t</i>	<i>du</i>	<i>aŋ oŋ</i>	<i>aŋ/oŋ</i>	<i>aŋ</i>

Таким образом, сфера «я, здесь, сейчас» оказывается выраженной, с одной стороны, гласным *a*: *ad* «я», а с другой стороны, гласным *i* в предикативных и глагольных показателях, но все становится понятным, если исходить из того, что первичная форма личного местоимения 1-го лица была *a*, 2-го — *u*, а форма 3-го лица *bi* восходит к указательному местоимению [4]; т. е. комплекс $a + di > adi$ выражал состояние, неактивность 1-го лица, а $a + ba > aba$ — активность [4], его заинтересованность в действии или предмете, его причастность к ним.

Поскольку первичная функция приведенных элементов была дейктического характера, то необходимо вспомнить о сохранившихся в языке указательных местоимениях (в праязыке они представляли собой, вероятно, множество рядов, соответственно классным показателям [4]), ср.: *ki* «этот, ближайший» (очевидно, сфера говорящего), *tu* «этот, тот» (Der-Dexis) [12], *qa* «тот, подальше» (Jener-Deixis).

Согласные *k*-, *t*-, *q*-, неся информацию о классе денотата в своей первичной функции, приобрели значение уточнителя степеней удаленности от центра ситуации. Сам же этот центр выражался звуком *b*. Так позволяет думать сравнение местоимения *bin* «сам» и *ki* «этот». Схематично это можно представить следующим образом (см. рис. на с. 77).

При таком подходе к проблеме детерминативов становится понятной закономерность замены детерминатива *b* на детерминатив $q \sim g \sim k$

в формах императива, давно отмечаемая кетологами [14, с. 457], причем это явление характерно и для коттского языка [15, с. 130—131]. Наиболее показательным в этом отношении является очень широко представленный и очень продуктивный в кетском языке глагол *-bet* «делать».

<i>dibbet</i> ³	«я это сделаю»
<i>kubbet</i>	«ты это сделаешь» (сам. — П. Г.)
<i>dubbet</i>	«он это делает»
<i>dabbit</i>	«она это делает»
<i>bibbet</i>	«оно это делает, оно делается»

Императив: *il'get* «сделай это!» Форма императива демонстрирует, на наш взгляд, отсутствие говорящего в названном действии и направленность последнего за пределы говорящего, отчуждение этого действия, в то время как в индикативе подчеркнуто присутствие, участие, заинтересованность субъекта. Еще более подтверждает такое понимание семантики детерминатива *b* тот факт, что снабженный субъектными показателями группы Б этот же глагол имеет значение обладания, ср.: *s'ul'-ba-j-bät* «нарту-я-имею» (при себе. — П. Г.), *s'ul'-ku-j-bät* «нарту-ты-имеешь» [13, с. 141].

В. Г. Шабаев, например, пишет о словоформах, включающих наряду с показателями ряда *ba/a* еще и элементы *-b/-v/-p-*, следующее: «Особый интерес представляют глаголы, в составе которых наряду с показателями ряда *ba'a* имеется еще и формант *-v/-b/-p-*, который Е. А. Крейнович в своих работах характеризует как еще один „детерминатив“, и далее: «По формальным признакам обсуждаемый формант ведет себя как объектный маркер ряда *d/a*: во-первых, как и всякий показатель 3-го лица объекта ряда *d a*, он всегда располагается перед видо-временными показателями (*-a-*, *-o-*, *-l-*, *-n-*), и, во-вторых, в формах императива он отсутствует, проявляя тем самым обычную закономерность для объектного показателя класса вещей» [8, с. 131]. В. Г. Шабаев считает связь форманта *-v/-p/-b-* с показателями класса вещей у глаголов указанной группы «весьма вероятной», но тут же добавляет: «...хотя его основная функция здесь часто проявляется не совсем очевидно, в результате чего этот формант выполняет роль, казалось бы, формальной, „пустой“ морфемы» [8, с. 132]. Он ссылается при этом на работу Е. А. Крейновича [13, с. 37—38, 40, 53, 255]. Нам же представляется, что значение вещного класса у элемента *b* вторично. Исходной его функцией было выражение принадлежности человеческому телу, лицу. Данное предположение подтверждается тем, что формант *b* обнаруживается в кетском языке: (1) в форме притяжательного местоимения 1-го лица *ab* «мой»; (2) в форме личного местоимения 3-го лица *bi* «он, она» (для замещения имен неодушевленного класса у кетов нет личного местоимения); (3) в форме возвратно-определятельного местоимения *bin* «сам»; (4) в форме предикативной частицы атрибутивных местоимений: *abbi* «мой», *butbi* «ее», *andabi* «чья-то»; (5) в формах вопро-

³ *[di-b-b-e-t* (*di* «я», *-b* «это», *-b* — детерминатив, *-e/-i* — основообразующий элемент, *-t* — показатель способа действия).

сительных местоимений: *bes'e* «кто» (о женщине), *bis's'e* «кто?» (о мужчине); (6) в формах следующих имен существительных: *ba·t* «лицо», *ba : t* «старик», *ba : m* «старуха», *beʔp* «дядя, зять, муж старшей сестры», *bu:l'* «нога», *biʔŋ* «рука», *bajbul'* «коса» (волосы), у А. Кастрена *ul'bei* «душа», *buŋ* «труп», ср. кет. *bo·ŋ* «покойник»; (7) в форме прилагательного *bi·k* «чужой, другой» (отчуждение сигнализирует элемент *k*).

Если такое предположение верно, то *b* в глаголах «выстрелить», «влететь» (об искре), «спросить», «нарисовать», «приставать» (лезть), «оставить», «одеть» [8, с. 131] можно понимать как формант, восходящий к самостоятельному слову «лицо, тело», и тогда снимается вопрос о вещном классе, ср.: *ba-ŋ-i-v-raŋ* «в-меня-выстрелит» (в мое лицо, в мое тело выстрелит. — П. Г.), где *-ŋ-* выражает центробежность действия по отношению к его исполнителю; *saŋŋŋ ku-ŋ-ä-v-uk* «искра в-тебя-влетит» (искра в твоё тело влетит), где функция *-ŋ-* та же [13, с. 81—82]; *ba-R-i-v-d-il'* «меня оденет» (мое тело оденет), где *R > q* имеет указанное выше значение, а *d* — классный показатель субъекта, обозначающий «живой»; *d-a-t-p-es'* «он-его-нарисует» (его тело нарисует); *ba-t-ä-p-lät* «ко-мне-пристает, лезет» и т. д.

Из рядов группы Б ряды *ba/a* и *bo/o* наиболее древние, первичные по отношению к рядам *ba/bu* и *bo/bu*. Это связано с грамматизацией классного показателя *b*. С одной стороны, он становится выразителем неживого, вещного класса, а с другой, формирует личное местоимение 3-го лица *bu* «он, она», которое в составе глагола выражает идею, что действие совершается для субъекта (им же самим для себя, над собой) [8, с. 40]. Например:

<i>ba-t-ok</i>	«я-вздрогну»	<i>ba-ŋ-s-u-Ro</i>	«я-смотрю»
<i>ku-t-ok</i>	«ты-вздрогнешь»	<i>ku-ŋ-s-u-Ro</i>	«ты-смотришь»
<i>bu-t-ok</i>	«он-вздрогнет»	<i>bo-ŋ-s-u-Ro</i>	«он-смотрит»

В глаголах с рефлексивным значением аффиксы рядов *ba/bu* и *bo/bu* ведут себя как показатели прямого объекта [8, с. 47], ср.:

<i>ba-t-i-s'uk</i>	«я-оттолкну» (от берега)
<i>ku-t-i-s'uk</i>	«ты-оттолкнешься»
<i>bu-t-i-s'uk</i>	«он-оттолкнется»
<i>da-bu-t-i-s'uk</i>	«она-оттолкнется»

Примечательно, что детерминатив *b* в приведенных примерах отсутствует. Ряды *ba/bu* и *bo/bu* появляются, на наш взгляд, с развитием субъектно-объектных отношений, с утверждением аффиксов группы Д как субъектных показателей в условиях, когда в языке возобладали черты номинативного строя. Мы полагаем, что приведенные примеры представляют собой переходный этап в становлении рефлексива на базе показателей Д, что зафиксировано у А. П. Дульзона. Очевидно, *bu* «он, она» (личное местоимение 3-го лица муж. и жен. классов) было введено в парадигму, чтобы подчеркнуть центральную роль производителя действия. То, что они послужили ступенькой к возникновению рефлексива, демонстрирует такой пример: *d-aŋ-ba-gyne* «я привязался», *d-aŋ-ba-gyne* «он меня привязал», но *d-aŋ-bu-gyne* «он привязался», *d-aŋ-a-gyne* «он привязал его». Ср. сходные различия в формах с показателями Д: *di-l'-di-s'* «я оделся»; *dil'dis'* «он меня одел», *di-l'-ä-s'* «он оделся», *d-ol'-s'* «он его одел». В пользу выдвинутого нами предположения говорит отсутствие вещного показателя *b* в рядах группы Б и типологически более поздняя грамматизация форм 3-го лица, в которых классно-личный принцип оказывается наиболее устойчивым [11, с. 193]; ср. *k'et-a-avRan* «он обидится» и *k'et-k-avRan*

«она обидится», где значение класса женщин выражено «детерминативом *k*» [13, с. 32], который явно является реликтом классного строя; что же касается обычных современных форм глагола, то классно-личный характер 3-го лица выражен показателями в группе Б: муж. кл. *-a/-o-*; жен. кл. *-i/-u-*, при помощи которых может выражаться также и значение класса вещей. В группе показателей Д 3-е лицо ед. числа разделяется на мужской класс с показателями *-a/-o-*, женский — с показателем *-i-*, класс вещей — с показателем *-b-*. Показатели муж. и жен. классов совпадают по рядам и в группе Б, и в группе Д, что говорит об их исконности, в то время как показатель вещного класса — явная инновация: в период широкого распространения в енисейских языках черт активного строя вещный класс, видимо, вообще не отражался, и соответствующие действия могли соотноситься только с одушевленными актантами [5, с. 34]. По всей вероятности, в позднеактивный период появляется необходимость выразить вещный класс, и эту функцию берут на себя показатели жен. класса в группе Б (см. табл. 1). По аналогии среди показателей 3-го лица ед. числа группы Д появляется показатель жен. класса имен: *-b-*. То, что *-b-* выражало женский класс, подтверждают примеры типа *ba:t* «старик» — *ba:m* «старуха», *blas'l'iγit* «вдовец» — *blasām* «вдова», *qim* «женщина», *am* «мать», *b'er* «жена старшего брата», где проявляется оппозиция окончаний существительных, обозначающих мужчин (*-t*) и женщин (*-m < b*). Таким образом, для форманта *b* вырисовывается такая эволюция его семантики: классный показатель, восходящий к слову со значением «тело, лицо, душа» (без различия мужчин и женщин) → классный показатель женщин → классный показатель вещей. Показатели женского и вещного классов, как нам кажется, размежевались позднее, когда в строе кетского языка возобладали черты номинативности, а на более ранней ступени развития кетского языка, когда он еще характеризовался чертами активного строя, существовало лишь противопоставление активного и инактивного начал с помощью показателей *a ~ o* (активность), *i ~ u* (инактивность); кроме того, *a*, *i* выражали центростремительность, сферу «я, здесь, сейчас», а *o*, *u* — центробежность, сферу «не-я, там, тогда». Последним гласным элементам по значению соответствовал согласный *q > γ*, ср.: *qa ~ γa* «прочь, ввысь, вниз», *qa* «тот» (подальше). В своем первоначальном значении, на наш взгляд, рассматриваемый формант сохранился в глаголе «идти»:

<i>bo-γ-ā-t'-n'</i>	«я иду, я пойду»	<i>bo-γ-o-n'</i>	«я пошел, я шел»
<i>ku-γ-ā-t'-n'</i>	«ты идешь, ты пойдешь»	<i>ku-γ-o-n'</i>	«ты пошел, ты шел»
<i>o-γ-ā-t'-n'</i>	«он идет, он пойдет»	<i>o-γ-o-n'</i>	«он пошел, он шел»
<i>u-γ-ā-t'-n'</i>	«она идет, она пойдет»	<i>u-γ-o-n'</i>	«она пошла, она шла» ⁴ .

В свете рассматриваемых вопросов интересно замечание В. Г. Шабая, который, анализируя глагол «лететь», отмечает, что введение детерминатива *q* придает глаголу значение «улететь»: *at qajog* «я улечу», *qojog* «улетел» [8, с. 87]. Интересен в этом отношении также глагол «смотреть»:

<i>di-γ-ā-r'o</i>	«я-смотрю»	<i>k-o-l'-do</i>	«я-смотрел»
<i>ku-γ-ā-r'o</i>	«ты-смотришь»	<i>k-o-l'-do</i>	«ты-смотрел»
<i>du-γ-ā-r'o</i>	«он-смотрит»	<i>k-o-l'-do</i>	«он-смотрел»
<i>da-γ-ā-r'o</i>	«она-смотрит»	<i>da-k-o-l'-do</i>	«она-смотрела».

Последняя парадигма сохранила ряд черт дономинативного прошлого в развитии кетского языка, о чем свидетельствует ряд фактов: во-первых,

⁴ Мы приводим формы только ед. числа как типологически наиболее древние.

субъектные показатели представлены рядом *di/du* группы Д, который идентичен ряду предикативных формантов имени; в системе глагола эти элементы передавали идею статичности, инактивности субъекта; во-вторых, в прошедшем времени фактически отсутствует категория лица, кроме формы 3-го лица жен. класса, что является инновацией⁵; в-третьих, чередование *a : o* выражало первоначально не категорию времени, а противопоставление понятий: «здесь, сейчас» и «там, тогда», а *-l'* выражало длительный способ действия, типа английского Continuous или индоевропейского аориста (ср. [16, с. 64]). Вероятнее всего эти формы являются реликтами позднеактивного состояния кетского языка, когда категория времени еще не сформировалась; см. [11, с. 194].

Кроме приведенной парадигмы глагола «смотреть», сюда следует отнести словоформы глаголов: «подниматься в гору» и «приставать (к берегу)», ср.: *di-γ-ä-R-ut* «я-поднимусь-в гору» — *k-o-n-ut* «поднялся-в-гору», *du-γ-ä-raḡ* «я-пристаю (к берегу)» — *x-u-n'-daḡ* «приставал (к берегу)» (чередуются гласные *a > ä : o/u*, показатель *n'/n* выражает завершенность действия, перфективность; элемент *γ ~ k ~ x* передает идею центростремительности действия).

Таким образом, нам представляется, что форманты кетского глагола *b* и *q* являются в тех случаях, где их грамматическое, а тем более лексическое значение не объясняются на синхронном уровне, реликтовыми уточнителями версии, а именно: *b ~ v ~ m* выражает центростремительность, замкнутость действия на активном актанте-субъекте, т. е. что оно выполняется для него или принадлежит ему, внутренне присуще ему, сосредоточено в нем, ср.:

Настояще-будущее время		Прошедшее завершенное время	
<i>di-v-ä-ris'</i>	«я-бранюсь»	<i>b-i-l'-dis'</i>	«я-бранился»
<i>ku-v-ä-ris'</i>	«ты-бранишься»	<i>b-il-gu-ris'</i>	«ты-бранился»
<i>du-v-ä-ris'</i>	«он-бранился»	<i>b-i-l'-ä-ris'</i>	«он-бранился»
<i>dä-v-ä-ris'</i>	«она-бранилась»	<i>dä-b-i-l'-ä-ris'</i>	«она-бранилась»

Формант *q ~ g ~ γ ~ k* указывает на распространенность действия за пределы ее носителя, например: *di-γ-aḡ* «я-выйду», *ku-γ-aḡ* «ты-выйдешь»; *du-γ-aḡ* «он выйдет», *dä-γ-aḡ* «она-выйдет», или: *bo-γävitn* «я выбегу, убегу»; *bo-goḡbej* «я-улетел» и т. п.

Каузирующую функцию морфемы *q ~ γ ~ g* следует, на наш взгляд, считать вторичной, развившейся с появлением категории переходности/непереходности в кетском глаголе, с выражением субъектно-объектных отношений в кетском синтаксисе. Причем в кетских глаголах можно проследить переходный этап от конструкции активного строя к конструкции номинативного типа, ср.: югск. *di-ba:ḡso* «я смотрю». Здесь субъект выражен дважды: старый показатель активного актанта *-ba-* и новый субъектный показатель *di-*, но позиция *ba* уже та же, которая характерна для прямого объекта, ср.: *ba-γ-ä-r'o* «на-меня-смотрит»; *d-a-γ-ä-r'o* «он-на-него-смотрит». В данном случае показатели ряда *ba/a* группы Б явно объектные, и интересующий нас детерминатив *q ~ γ ~ g* становится выражителем направленности действия на объект в широком плане, сочетаясь не только с аффиксами ряда *bo/o*, но и с показателями ряда *ba/a*, которые утрачивают свою первоначальную версию функцию: центростремительность/центростремительность.

⁵ См. у Е. А. Крейновича: «Личные префиксы ряда *di/du* встречаются главным образом в типе глаголов с основой в конце слова и, как правило, только в настоящем будущем времени» [13, с. 53].

В этом процессе дальнейшей грамматизации форманта $q \sim \gamma \sim g$ следует выделить особо этап выражения направленности действия на актант, что передавалось сочетанием обоих рассматриваемых нами формантов в одной глагольной словоформе с показателями субъекта ряда *bo/o*. Одновременное употребление *-g-* и *-b-* характерно, например, для глаголов: «поскользнуться», «упасть в обморок», «венчаться», ср.:

Настояще-будущее время		Прошедшее время	
<i>bo-g-b-un'</i>	«я-поскользнусь»	<i>bo-g-bin'-un'</i>	«я-поскользнулся»
<i>ku-g-b-un'</i>	«ты-поскользнешься»	<i>ku-g-bin'-un'</i>	«ты-поскользнулся»
<i>o-g-b-un'</i>	«он-поскользнется»	<i>o-g-bin'-un'</i>	«он-поскользнулся»
<i>u-g-b-un'</i>	«она-поскользнется»	<i>u-g-bin'-un'</i>	«она-поскользнулась»

Здесь элемент *-g-* сигнализирует о направленности действия от активного актанта, исполнителя действия, а *b* возвращает действие на сам актант. Интересно, что в прошедшем времени компонент *b* разрастается до *bin'* «сам». К этим кетским глаголам, пожалуй, полностью можно отнести определение Н. М. Терещенко, данное ей соответствующим иганасанским глаголам: «Обозначаемое этими глаголами действие мыслится как совершаемое действующим лицом не над каким-либо объектом, а над самим собой» [17]. С другой стороны, Ю. С. Степанов характеризует такие глаголы как «явно или скрыто каузативные» [18, с. 167], когда производителем действия выступает «человек как особая сущность, а объектом — человек как тело» [18, с. 305]. Вероятно, подобное проявление каузации можно считать аутокаузативом. Сюда примыкают глаголы «выскочить», «слышать», «одеваться», «сердиться», «слететь с берега, с обрыва в воду» и др., ср.: сург. *olä boyavitn* «я выскочу», *ku: yavitn* «ты выскочишь», *oyobitn* «он выскочит», *oyobinden* «он выскочил», *uyabinden* «она выскочила», *ba-ya:bda* «я слышу», *ku-yabda* «ты слышишь», *ayabda* «он слышит», *iyabda* «она слышит». В последнем примере оба «детерминатива» сочетаются с показателями ряда *ba/a* группы Б, т. е. здесь мы видим расширение сферы употребления форманта $q > \gamma$.

В глагольных словоформах со значением «обвенчать» и «бранить», имеющих тоже сочетание элементов *-g-b-*, появляется в 3-м лице субъектный показатель *d-*, а *-g-* выражает уже направленность не на агенса, а на пациенса, ср.:

Настояще-будущее время		Прошедшее время	
<i>bo-g-b-ä-ris'</i>	«меня-бранит»	<i>bo-g-b-i-l'-dis'</i>	«меня-бранил»
<i>ku-g-b-ä-ris'</i>	«тебя-бранит»	<i>ku-g-b-i-l'-dis'</i>	«тебя-бранил»
<i>d-o-g-b-ä-ris'</i>	«он-его-бранит»	<i>d-o-g-b-i-l'-dis'</i>	«он-его-бранил»
<i>d-u-g-b-a-ris'</i>	«он-ее-бранит»	<i>d-u-g-b-i-l'-dis'</i>	«он-ее-бранил»

Но и показатели ряда *bo/o* группы Б здесь являются объектными, выражая объектную версию (см. [10, с. 61]); трансформировался и формант *-b-*, ставший уточнителем объектной версии. В пользу того, что рассматриваемые явления следует отнести к периоду развития номинативных черт в кетском языке, говорит тот факт, что в 3-м лице идентичное оформление получают глаголы с вещным субъектом, ср.: *avl'ovät bimb-u-Rut* «моя работа кончится», *avl'ovät bin-yut* «моя работа кончилась». Здесь уже трудно говорить о «теле» или «лице», и *b* выступает как показатель вещного класса субъекта, ср.: *o-g-b-u-Rut* «он-упадет-в-обморок», *u-g-b-u-Rut* «она упадет-в-обморок».

Следующую ступень эволюции формантов *-g-b-* демонстрирует глагол «увести»/«унести», «нести», ср.:

<i>bo-k-ku-Rus</i>	«я-тебя-уведу»	<i>bo-g-b-it</i>	«я-это-несу»
<i>bo-γ-ā-Rus</i>	«я-его-уведу»	<i>bo-γ-a-γ-it</i>	«я-его-несу»
<i>bo-Rus</i>	«я-ее-уведу»	<i>bu-g-b-it</i>	«он-это-несет»
<i>bo-g-bi-Rus</i>	«я-это-унесу»		
<i>bu-g-di-Rus</i>	«он-меня-уведет»		

Здесь строевой элемент *-b/-bi-* является уже только показателем вещного класса, а *k ~ g ~ γ⁶* выражает каузирующее воздействие субъекта на объект. То, что это пример довольно позднего словообразования, подтверждает наличие параллельных форм с субъектными показателями группы Д и появление форманта *bu* в словоформе 3-го лица, ср.:

<i>di-bo-b-byn</i>	«несу-это»	<i>dλγ-byxon</i>	«мы-понесем-это»
<i>ku-b-byn</i>	«несешь-это»	<i>k-kλγbyxon</i>	«вы-понесете-это»
<i>dbubbyn</i>	«он-несет-это»	<i>d-bubbyxon</i>	«они-понесут-это»
<i>dabubbyn</i>	«она-несет-это»		

В данном случае в ед. числе отсутствует детерминатив *q*, зато налицо удвоенное выражение как субъекта (присутствие показателей группы Д и группы Б), так и объекта: *-bb*. Этот глагол, видимо, является свидетельством того, как тип языка перестраивался из языка активного строя в язык номинативного строя. Он демонстрирует процесс вытеснения аффиксов группы Б с позиции показателя субъекта действия (*resp.* активного актанта) и показывает переориентацию языкового типа на передачу субъектно-объектных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейнович Е. А. Способы действия в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968. С. 75.
2. Виноградов В. В. Потехина А. А. // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 318.
3. Крейнович Е. А. О явлениях развития кетского языка от форм аналитических к формам синтетическим // Аналитические конструкции в языках различных типов. М. — Л., 1965. С. 287.
4. Живова Г. Т. Местоимения в кетском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
5. Вернер Г. К., Живова Г. Т. К характеристике классной системы в енисейских языках // ВЯ. 1981. № 5.
6. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983.
7. Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ. 1974. № 1.
8. Шабазов В. Г. Функциональный анализ системы субъектно-объектных показателей кетского глагола: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
9. Dulson A. Eine vorgeschichtliche Sprachgemeinschaft in Zentralasien // Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae. 1969. 19 (1—2). S. 20—21.
10. Вернер Г. К. Типология элементарного предложения в енисейских языках // ВЯ. 1984. № 3.
11. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
12. Brugmann K. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen // Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1904. Bd. XXII. № VI. S. 9—12.
13. Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
14. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
15. Castrén M. A. Versuch einer Jenessei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPb., 1858.
16. Гайер Р. С. Формы императива простых глаголов кетского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973.
17. Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л., 1979. С. 19.
18. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

⁶ Каузатив, как правило, выражается увулярно, т. е. морфемой *q ~ x*, но учитывая, что ряды звуковых соответствий часто нарушаются и кетскому *q* в других енисейских языках соответствует *k*, можно предположить, что *k* восходит к увулярному *q*, ср. югск. *ka:t* «тот» — кет. *qa:t* «тот».